

Россия под угрозой, Европа на буксире у США

(начало на 1-й стр.)

Капиталистическое развитие в Азии с начала XX века стало важнейшим узлом соотношения сил в диалектике Запада и Востока, в которой азиатские рынки изначально были объектом колониального раздела и вывоза капитала старыми державами. Это было продвижение на Восток в направлении Сибири и Центральной Азии, в котором Россия также выступала в качестве одного из протагонистов и которое привело царскую империю к конфронтации с другими западными державами в Маньчжурии и в Большой игре, которая могла угрожать Британской империи в Индии.

Однако именно из этого развития, ускоренного западным капиталом, в начале века возникла разрушительная сила Японии: именно в 1905 году русско-японская война стала водоразделом. Впервые “небелое” государство нанесло сокрушительное поражение державе старого западного порядка; внешняя *коллизия* войны ускорила кризис царизма, вызвавший революцию 1905 года, и это была азиатская коллизия.

Вторжение Японии знаменует собой весь XX век в Азии. Попытка революционного переустройства страны в ходе пятнадцатилетней войны 1930–1945 годов столкнулась с направлениями движения американского империализма и была сведена на нет в Хиросиме; во второй половине века Токио выбрал доктрину тихой сапы Ёсиды, нацеленную на экономическое восхождение, направляемое государственным интервенционизмом, свидетельствующим о региональном влиянии, привязанном к американскому стратегическому протекторату. Это не помешало США в 1980-х годах почувствовать угрозу в связи с утверждением Японии, опасаясь за своё первенство, что привело к принятию президентом и Конгрессом протекционистских планов и ограничений экспорта, которые являются прецедентом нынешней политики *технологического отрицания* в отношении Китая.

Таким образом, прецедент вмешательства в глобальный баланс крупной азиатской державы, а именно Японии, существует, и это знаменует собой империалистическое противостояние на протяжении десятилетий, сочетая войну и борьбу за капитал. Беспрецедентным в истории и знаменующим эпохальные вековые перемены является появление такой державы, как Китай, равной по демографической мощи всем старым метрополиям и способной теперь соперничать с США в качестве ведущей мировой экономической державы. Разумеется, интегрированный в мировой рынок Китай также испытывает все его кризисы и противоречия, но не только: как показало сдувание пузыря на рынке недвижимости, размеры китайской экономики таковы, что каждый кризис в Пекине становится глобальной проблемой сам по себе.

Динамика азиатского развития с её последствиями для борьбы классов и государств является неизбежной нитью в долгой истории революционной стратегии. Маркс и Энгельс в *«резком повороте»* американского развития предвидели, что завершение формирования мирового рынка произойдёт на Тихом океане. Ленин исходил из того, что национальные и антиколониальные революции относились к тем противоречиям империалистической системы, которыми могла бы воспользоваться мировая партия пролетариата; *время* развития и буржуазно-демократические революции в Азии были связаны с последней попыткой Третьего Интернационала спасти революцию в России от изоляции после поражения революции в Германии.

Сталинистская контрреволюция, разгромив Октябрь, обрекла пролетариат на бойню второй мировой войны и бесчестье Ялты, в послевоенный период попытка вновь связать нить стратегии началась именно с ленинской концепции империалистического развития. В течение семидесяти лет, как демонстрируют “Тезисы” 1957 года, в основе нашего стратегического мышления лежали длительные сроки развития Азии. В течение тридцати лет, с цезурой 1989–1991 годов и новым импульсом к открытости Китая для глобализации, считалось, что смещение центра тяжести мирового развития с Атлантики на Тихий океан будет сопоставимо лишь с XVI веком, когда произошёл сдвиг от Средиземноморья к Атлантике: это и есть *смена эпох* в вековом процессе капиталистического развития. Последние двадцать лет, с тех пор как Америка Джорджа Буша – младшего вступила в “войну по выбору” в Персидском заливе, пытаясь предотвратить там влияние Китая, мы думаем о том, что в глобальных отношениях наступает *новая стратегическая фаза*, постепенно замыкающая долгий цикл, предсказанный в

1957 году. Новые зоны мировых рынков меньше, чем ранее предоставляют отсрочку для устоявшихся держав, а Китай, превратившись в империалистическое государство, стал претендовать на передел. В последние несколько лет, на фоне китайских планов перевооружения, предусматривающих создание к 2035 году вооружённых сил «мирового класса», мы считаем, что «кризис порядка» идёт к пятнадцатилетию «колоссальной, беспрецедентной напряжённости».

Загадка российской авантюры в украинской войне коренится именно здесь, в этом повороте истории, где, как повторяют китайцы, «изменения происходят раз в столетие». Владимир Путин посчитал, что кризис порядка, спровоцированный Китаем, даёт России возможность перейти в контрнаступление по отношению к катастрофическому распаду СССР в 1991 году, но был ли в его расчётах столь глубокий и долгосрочный разрыв связей с Европой?

Действительно, *европеизм* и *азиатчина* уже не имеют прежнего значения, теперь, когда Азия является центром развития, а не наследием отсталости; при этом следует считаться с многовековым грузом европейской истории России и включать всё это в систему государств: превращение демографической мощи Китая в подавляющую экономическую и военно-политическую силу всегда было стратегическим кошмаром для Москвы, с её чрезмерной экспансией в Центральной Азии и слабозаселённой Сибири. Даже в самой путинской стратегии и газовой дипломатии долгое время привязка к Европе уравнивала новое направление движения на Восток.

Дискуссии российских аналитиков, пусть и подмоченные пропагандой, подчёркивает окончательный поворот в азиатском направлении и связи с так называемым глобальным Югом, но большой недоговорённостью остаётся страх перед подчинёнными отношениями с Пекином. Некоторые крайние выпады, например, предложение Сергея Караганова о тактическом ядерном ударе, который, воскресив атомный «страх», восстановит сдерживание, интерпретируются в самих российских дебатах как признак «отчаяния» реалистического западнического течения. Прерванный мятеж Евгения Пригожина и ЧВК «Вагнер» сам по себе остаётся ограниченным эпизодом, но он выявил разломы между большими группами, в армии и аппарате безопасности, которые могут расширяться, когда война выявит истинную природу российского стратегического поражения. Вильнюсский саммит Атлантического альянса с одобрением Турцией членства Швеции в НАТО завершил окружение России в Балтийском море; Украина, перевооружённая Западом, – независимо от сроков и формы вступления в НАТО – приведёт к тому же результату в Чёрном море. Окаменев на украинском фронте, Москва останется подверженной новой *коллизии* со стороны Азии, пусть и в обволакивающей форме господства китайского капитала. Кое-кто задаётся вопросом: является ли Россия, настолько загнанная в угол, результатом продуманного расчёта американской администрации?

При совершенно ином соотношении сил, поскольку ЕС вместе с США и Китаем является одним из трёх ключевых полюсов мировой экономики, азиатская *коллизия* также ставит под вопрос европейский империализм. Определённый резонанс вызвал доклад Европейского совета по международным отношениям (ECFR), в заголовке которого с пропагандистской гиперболой говорится о «*вассализации*» Европы по отношению к США в результате войны на Украине. Яна Пульерин, ранее работавшая в немецком агентстве DGAP, и Джереми Шапиро, в прошлом советник администрации Обамы, выдвигают экономический аргумент об «*относительном упадке*» Европы по отношению к США с помощью статистических манипуляций, которые, как ни странно, не были обнаружены в многочисленных комментариях к тезисам ECFR. По мнению авторов, объём производства ЕС в 2008 году превышал объём производства США – 16,2 трлн долл. против 14,7 трлн; в 2022 году США при объёме производства в 25 трлн долл. обходят ЕС-27 на 50 %. Однако сравнение в текущих долларах искажено обменным курсом: в 2008 году из-за кризиса на Уолл-Стрит курс евро по отношению к доллару был исключительно высоким. В долларовом исчислении ВВП ЕС-27 в период с 2008 по 2022 год практически стагнирует, увеличившись лишь на 2,1 %. В евро объём производства увеличивается на 42 %, с 11,085 до 15,807 трлн евро. По оценкам Всемирного банка, пересчитанным в долларах по паритету покупательной способности, США и ЕС за пятнадцатилетний период остаются практически на одном уровне: в США рост с 14,77 до 25,46 трлн долл. и в ЕС с 14,29 до 24,3 трлн. Это не отменяет того факта, что в обменных коэффициентах ослабление евро отражает более

серьёзные трудности ЕС; США легче выходят из кризисов благодаря своим федеральным расходным возможностям, а также централизации фискальной и внешней политики.

Более ёмкими являются политические тезисы доклада ECFR, где утверждается «американизация Европы» как следствие украинского конфликта. По мнению двух авторов, предложения о стратегической автономии ЕС – начиная с пивной речи Ангелы Меркель в ходе предвыборной кампании 2017 года о конце эпохи, когда Европа могла «полностью полагаться на других», и заканчивая предложениями Урсулы фон дер Ляйен о создании «геополитической» Еврокомиссии – оказались «абсолютно пустыми» в отсутствие консенсуса относительно содержания европейского «стратегического суверенитета». Отношения в Альянсе вернулись к «традиционному режиму холодной войны»; задержка с созданием общей европейской оборонной промышленной базы, как показывает немецкий проект противовоздушного щита, приведёт к возникновению зависимостей, которые «сохранятся на десятилетия». В плане промышленной политики IRA никто в Конгрессе США не задавался вопросом о влиянии этих мер на Европу, а администрация Байдена довольно снисходительно практиковала «координацию задним числом».

Предложения ECFR повторяют классический евроатлантический репертуар по созданию европейской опоры Альянса, вплоть до «европейского ядерного сдерживания», которое, начиная с Франции и Великобритании, компенсирует возможную американскую «ненадёжность». Однако более показательным является проект «геоэкономического НАТО», объединяющего США, ЕС и Великобританию в противостоянии «веку конкуренции Китая и Запада». В этой структуре, своего рода евроатлантической *директории*, союзники могли бы «стратегически мыслить» и определять совместную политику в отношении Китая, которая была бы больше, чем простое согласие с американской линией.

Следует отметить, что «атлантический момент», вызванный украинской войной, придаёт большую центральность евроатлантическим направлениям и аналитическим центрам. ECFR поддерживает формулу европейского *стратегического суверенитета*, но контекст – это атлантический фронт противодействия Китаю.

На индо-тихоокеанском фронте трёхсторонний саммит в Кэмп-Дэвиде с участием Джо Байдена, президента Южной Кореи Юн Сук Ёля и премьер-министра Японии Фумио Кисиды имеет тот же стратегический знак. По мнению Рама Эмануэля, посла США в Токио, Кисида ставит себе в заслугу сокращение разрыва между Атлантикой и Индо-Тихоокеанским регионом, признавая их «единой стратегической сферой», сталкивающейся с единым набором угроз. Безопасность неделима, считают в Вашингтоне. И, похоже, они постепенно замыкают систему шестерён, чтобы окружить Пекин.

Июль – август 2023 г.